

заны такие персонажи «Идиота», как Лебедев, генерал Иволгин, Ганя, Ипполит и, конечно, главный герой — князь Мышкин.⁵ Эта сложнейшая многоплановая связь позволяет говорить о весьма существенной роли наполеоновского мифа в романе, никак не менее важной, чем в «Преступлении и наказании». Стоит отметить и то, что «Идиот» создавался за границей во время существования Второй империи во Франции, накануне столетия со дня рождения Наполеона Бонапарта, имя которого тогда почти что «вitalo в воздухе».

Наиболее очевидна из всех героев романа «Идиот» связь с наполеоновским мифом генерала Иволгина. Уже то обстоятельство, что Ардалион Александрович Иволгин имеет генеральский чин, само по себе говорит о том, что герой достиг «предела русского счастья» и «популярного национального идеала спокойного, прекрасного блаженства» (8, 269—270). Однако после какой-то неизвестной нам внутренней катастрофы он предался порокам пьянства и лжи и целиком подчинился овладевшему им беспорядку так, что «совершенный безобразник сделался» (8, 26), хотя «прежде он был только слишком восторженный человек» (8, 104). Опустившийся генерал испытывает потребность в художественном творчестве, стремится через сочинительство осмыслить собственную судьбу, которую очень тесно связывает с судьбой Наполеона. Несомненно, что в своем вымышленном рассказе о придворной службе десятилетним ребенком у Наполеона в 1812 году он выражает свойственное его поколению общее преклонение перед Наполеоном в юности: «Потому что тогда все, несколько лет сряду, только и кричали о нем. Мир был наполнен этим именем; я, так сказать, с молоком всосал» (8, 413). Повышенное внимание генерала к фигуре Наполеона, «военные удачи» которого придавали ему, по выражению С. П. Жихарева, и особое «нравственное очарование»,⁶ очевидно, проходит через всю жизнь Иволгина. К этому «великану в несчастье» он чувствовал «давно уже, горячую симпатию» (8, 413).

Важно обратить внимание и на созвучность имен: Ардалиона и Наполеона, что должно было иметь немалое значение для генерала, который был, по его собственным словам, сам «несколько поэт в душе» (8, 109). Возможно, что подобная автохарактеристика Иволгина восходит к оценке, данной участником войны 1812 года поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым Наполеону при разборе записок последнего, созданных на Святой Елене: «...но Поэт в душе, поработанный сам увлекательным воображением своим, он мало-по-малу уверил себя в истине всех ложных сказаний, им же самим вымышленных и для заблуждения других обнародованных».⁷ Имя Ардалион в переводе с латинского означает «суетливый». Единственный христианский святой, носящий это имя, в честь которого, видимо, был наречен генерал Иволгин, до того как принял мученичество при римском императоре Максимиане Галерии, был мимическим актером и на «народных зрелищах и в других местах представлял страдания и различные действия людей».⁸ Суетливость и актерское мастерство, несомненно, проявились в характере генерала и его наполеонизме. Ганя Иволгин даже обвинял отца в том, что тот способен подобно актеру превратить обычную бытовую сцену в настоящую драму: «Да полноте, трагедию завел! — крикнул Ганя» (8, 396); «И непременно на театральный тон! — пробормотал Ганя» (8, 400). Повествователь «Идиота» определил скандал, который затеял генерал Иволгин перед своим уходом из дома Птицына, как «суматоху» (8, 400, 401), отметив в его поведении трагикомические актерские черты: «И прежде бывали с ним случаи внезапной блажи в этом же роде, хотя и довольно редко, потому

⁵ См.: Подосокорский Н. Н. Наполеонизм князя Мышкина // Литературоведческий журнал / Секция языка и литературы РАН. ИНИОН РАН. 2007. № 21. С. 113—125.

⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 344.

⁷ Давыдов Д. В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона. М., 1825. С. 4.

⁸ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-миней св. Димитрия Ростовского. М., 1992. Кн. 8. С. 219.